

Лев Николаевич Нецветаев – доцент кафедры архитектурно-строительного проектирования УлГТУ, член Союза архитекторов России, член Союза художников России. Лев Николаевич – чуткий художник, эрудит, блестящий поэт и публицист. С первых лет существования «Мономаха» он на общественных началах был художником-оформителем журнала и поныне остаётся преданным другом и помощником редакции.

Игры нашего двора

Вселение нашей семьи в 12-метровую комнату в кирпичном доме по ул. Федерации, 33 (теперь 37) не обошлось без горячей словесной схватки. Через стену от этой комнаты жили Тарасовы. Тарасов-глава работал в банке. У них была одна большая комната, в которой они жили втроём с дочерью Розой, лет на пять старше меня. И вот дядя Вася Тарасов очень захотел завладеть и той комнатой, которую моему отцу уже официально пообещали. Видимо, он имел ключ, потому что к моменту нашего вселения на подоконниках дозревали их помидоры. При стечении соседей произошла бурная сцена, в ходе которой Василий Иванович патетически произнёс: «Я костыми лягу за эту комнату». На что папа ответил: «Это надо было на войне делать», – и этим сразу завоевал симпатии всех соседей, ибо Тарасов на фронт «не ходил», в то время как у папы была жёлтая колодка тяжёлого ранения.

Авторы о «Мономахе»

«Мономах» – очень важная и дорогая часть моей жизни. С начала 1960-х годов, ещё студентом, я втянулся в азартное сотрудничество с газетными редакциями и много рисовал для «Ульяновской правды» и «Ульяновского комсомольца». Тогда требовались и рисованные плакаты к праздникам, и всевозможные рубрики, не говоря об иллюстрациях к фельетонам и регулярно выходившим литературным страницам. Через четверть века перестройка начисто вымела с газетных полос и рисунки, и литературу. И для меня не глотком воды, а буквально воскряшающим родником стало появление этого замечательного журнала. Каждый раз – новые темы и новые задачи для рисунков, а порой и заметки, и очерки. От мамы мне передавалась любовь к краеведению, а это основная направленность журнала. Если сюда добавить сердечную, буквально семейную атмосферу общения с его «водительницами», то можно представить, каким магнитом он был и остаётся для меня.

Лев Нецветаев

Но рассказ пойдёт о дворе этого дома – средоточии нашей мальчишеской жизни. Нам сильно повезло: по всей улице Федерации не было дворов, столь притягательных для пацанвы, как наш, и мальчишки из других домов не могли нам не завидовать.

Моё «мушкетёрство». Шпага – железная (подарок Андриюши Шербакова)

В нашем дворе было целых два двусторонних дома: двухэтажный деревянный и кирпичный с обширным подвалом, в котором хранился картофель; в глубине был просторный двор, окружённый строениями складов, пустых и действующих. В его южном ряду первой была кузница – большое полутёмное помещение с характерным запахом горелого железа. Светились угли и пламя горна, стучал молот по раскалённым полосам металла, превращая его то в кочергу, то в дверную скобу, то в другой предмет людского обихода. Сюда же приводили лошадей для перековки, и кузнец, коренастый, небольшого роста (не помню его имени), зажав ногу лошади меж своих железных коленей, заколачивал гвозди в отверстия подковы. Лошадь временами дёргалась от боли, и он рывкал на неё, держа в зубах гвозди.

Уже одна кузница была бы слабой любого двора, но в нашем были и другие, не менее яркие приманки. Например, крутая деревянная лестница, ведущая на высокую площадку, лишённую перил, с дверью на чердак, откуда снежной зимой мы с замиранием сердца прыгали вниз в подготовленную кучу снега.

Как-то вечером мы прыгали с высокой крыши «Водоканала» (его от нашего двора отделял только двор пекарни). Выбрав сугроб попухлее, я приземлился на него и взвыл от боли: это был чугунный котёл, несильно занесённый снегом. Дома, разумеется, об этом – ни слова. Лишь утром, когда мама для ускорения сама стала натягивать мне чулки (позабывая ныне деталь одежды), я не удержался от стога. Она стала допытываться о причине, но я был стоек, как партизан.

А одевала меня мама так рано, до школы, чтобы взять с собой в очередь – очевидно, за мукой, т. к. вдвоём можно было купить вдвое больше. Очередь вообще была яркой приметой послевоенного, да и более позднего времени. Вот в связи с ней вспомнился забавный момент. Неподальёку от нас жила женщина, страдающая тиком одного глаза (давняя контузия от молнии). И если она, заняв очередь, ненадолго отлучалась, то потом её просьбу впереди стоящим подтвердить законность её места встречали дружным: «Нечего подмигивать!»

Одним из любимых нами мест был просторный тёмный чердак, к которому и вела упомянутая вышка, над крупным старинным складом из красного кирпича. Пол, покрытый чуть ли не вековой пылью, ритмично перегораживали могучие сосновые балки, через них приходилось перешагивать, а детворе помельче – перелезать. Где-то мы добывали карбид (негашёная известь). Брошенный в воду кусок карбида шипел, образуя вонючую пену, и таял в ходе этого процесса. Впечатляющим развлечением было накрошить кусочки карбида в бутылку, добавить туда воды, забить заготовленной деревянной чуркой и ждать взрыва, спрятавшись за каким-либо укрытием. Надёжнее всего было делать это на чердаке, где никак не ожидалось появление взрослых. Источником воды мог быть только чей-то готовый к облегчению организм – так и было. Потом бурно шипящую бутылку «запечатывали» и разбегались, прячась за балками. Ожидание было томительным, но и высунуться было опасно: осколки разлетались, как пули.

В какой-то период милиция была частично «кавалеризована» – посажена на лошадей. И вот как-то зимой на нашей улице два конника обнаружили пьяного, и один из них спешил для охраны «объекта», а второй спросил: «Ребята, кто ездил верхом?». Я, как сын кавалериста, не мог упустить эту счастливую возможность и вскоре был

подсажен в седло. До стремян я, видимо, не доставал. Во всяком случае, когда лошадь неожиданно рванула галопом, они охлёстывали её по бокам, а я медленно, но верно стал сбиваться вбок, представляя себя уже под копытами, но ещё более страшась того, что лошадь влетит в какие-нибудь невысокие ворота, сделав меня двойником майн-ридовского всадника без головы. Но Бог милывал: копыта меня не задели, я лежу на заснеженной мостовой, натянутая уздечка мёртвой хваткой зажата в кулаке, и лошадь гарцует вокруг поверженного горе-всадника.

Странно вспомнить, но мы довольно часто играли в смиреннейшую игру «ручечек» с непременно участием девчонок. Игра быстро надоедала, зато позволяла мальчишкам выразить симпатии своей избраннице.

Куда живее был «штандер». Водящий подбрасывал высоко вверх мячик и говорил «штандер, штандер...», выкрикивая при этом чьё-то имя. Названный должен был поймать мяч и крикнуть «штандер!». В этот момент игроки разбегались как можно дальше и замирали на своих местах. Новый водящий выбирал того, кто был к нему ближе, и, сделав несколько (оговорённых заранее) прыжков, старался попасть в него мячом. Если попадал, тот становился водящим; если нет – ситуация повторялась. Хорошие бегуны были практически недосыгаемы. Игра учила и скорости, и меткости попадания.

Но самой увлекательной (чисто мальчишеской) была игра в деньги. Расцветала она на Пасху. Невзирая на все запреты, люди её праздновали, а ребяташки усердно «славили»: стучались

к соседям со словами «Христос воскрес!». И разживались не только яйцами и конфетками, но и денежкой. А если есть деньги, как в них не сыграть?

Чаще играли «в пристенок». Ребром монеты первый ударяет по стене, дабы монета рикошетом отскочила на землю. Второй делает то же со своей монетой, стараясь рассчитать так, чтобы она упала как можно ближе к лежащей на земле монете «противника». И если пальцами растянутой пятерни он дотягивается от своей монеты до другой, он забирает обе, и всё начинается снова. Если же второй не добился успеха, обе монеты остаются на земле, а первый игрок новой монеткой делает то же самое: если успешно, то, забрав обе близко лежащие монеты, одной из них пытается выиграть и третью.

Другую азартную игру мы почему-то называли «с битка»: «С битка сыгранём?». Битой, или биткой, был тяжеловатый металлический предмет круглой или овальной формы: бляха, свинцовая отливка. У меня для этого имелся крупный медный пятак елизаветинских времён с надписью «Сибирская монета» производства братьев Строгановых – увесистая штука.

Проводилась линия кона. Посередине этой линии составляли «пенёчек» из положенных друг на друга монет. Каждый клал по 10 или 20 копеек – как уговорятся – «орлом» вверх. Вторая линия была за несколько шагов от кона. От неё (в очередности жребия) бросалась битка с великим желанием попасть в стоящий на кону столбик (или пенёчек) монет. Когда бросавший успевал крикнуть «состав!», он имел право собрать в свою пользу все перевернувшиеся от удара монеты. Но соперники старались раньше его крикнуть «несот!» (сокращённое «несостав»), и в этом случае лежащие «решки» переворачивали на «орла», и бросавший старался ударом битки по краешку монеты перевернуть её на «решку» и выиграть монету. Если

же переворот не получился, битка переходила к следующему по очереди. Самые умелые были в выигрыше. Если же никто не попадал в денежный кон, то первым бил по нему тот, чья битка упала всех ближе к кону. Бьющий по столбику имел шанс ударить так удачно, что переворачивалось сразу несколько монет (они переходили в его карман). Он бил и дальше, до первой неудачи, после чего битка переходила к следующему (по близости броска).

Бывали у нас затеи рискованные, если не сказать – преступные. В здании нашей школы № 15 раньше размещалась полицейская часть, совмещённая с пожарными. Над зданием возвышалась деревянная каланча с постоянно маячившей там фигурой дежурного. И вот временами мы тихонько забирались внутрь каланчи (вход не запирался) и осторожно, стараясь не скрипеть, поднимались довольно высоко, но так, чтобы дежурный не успел нас догнать, если бы погнался. Вот мы уже слышим поскрипывание пола под его сапогами; тогда, по сигналу, мы орал из всех сил, пугая полусонного от однообразия дежурного, и опрометью кидались вниз по крутой винтовой лестнице. К счастью, никто не срывался.

Были и другие глупые и рискованные выходки. Как я упоминал, в подвале нашего дома был овощной склад, имеющий небольшие окна-продухи с решётками – эти окна выходили на улицу возле самого тротуара. Метнув внутрь заточенный прут с длинной бечёвкой, можно было попасть в картофелину и вытянуть её. Помню, как, слегка вооружившись картофельными «снарядами», мы начали обстрел прохожих на противоположной стороне улицы. Занятие, безусловно, идиотское. Сделав «залп», все мчались в спасительные закоулки нашего двора. Однажды я слишком поздно заметил бегущего на меня мужчину. Он настиг меня уже во дворе и крепко отмолотил по голове. Я думал, что она у меня после этого распухнет, но нет – видимых последствий не осталось.

С ужасом и стыдом вспоминаю своеобразное «испытание смелости», навеянное влиянием нашего атамана Генки Гусева (два его старших брата то и дело «сидели», да и он потом продолжил эту традицию). К хлебному магазину, стоящему на углу Федерации и спуска к улицам Мира и Красноармейской, время от времени из пекарни подъезжал фургоныч с хлебом или булками (его подвозил от пекарни, расположенной наискосок, сам работник). Так вот, я, примерный

школьник и послушный сын, решил (днём! принародно!) украсть булку из этого фургона! Подошёл, цапнул – и что есть силы припустил за угол школы, потом на Островского, а там через двор, где жили Жадановы, влез на крыши сараев нашего двора, спустился и заперся с этой страшной уликой в деревянной уборной. Выбросить булку в то несётное время не могло даже прийти в голову, и я, совершенно не желая есть, мучительно её жевал в далеко не «трапезном» интерьере. Это ужасное состояние заметно отбило охоту к подобным «испытаниям».

Дом № 33 на ул. Федерации (справа). Наши окна – боковые

В июне 2013-го я встретился в трамвае с Колей Семёновым, и он сказал, что мы это совершили вдвоём и по его инициативе. «Да ведь просто есть хотелось», – сказал он. Вспомнив тогдашнюю нищету их семьи, я поверил. Да, это я ел насильно, но не Коля!

А вот и ещё одно «мероприятие», которое было, как мы полагали, скорее актом возмездия за воровство, чем самим воровством. С крыши сараев мы наблюдали почти безлюдный двор пекарни и вдруг увидели, как озирающийся пекарь прячет в куче древесных стружек куриные яйца. И решили «реквизировать реквизированное». Нас было трое-четверо, я был старшим. Спустились не без страха во двор пекарни, подбежали к холму стружек, набрали яйца и рассовали их куда попало. И тут с ужасом увидели выбегающего разгневанного пекаря. Наши сараи позади, а забор и сарай «Водоканала» – рядом... Кидаемся к ним, я подсаживаю Игоря с Мишкой, теряю на этом время, взбираюсь сам на крышу сарая, а пекарь – следом, вот-вот схватит... Я стремительно спрыгиваю во двор «Водоканала», и меня словно бы сильным током передегивает боль левой руки: и в локте, и в запястье она явно деформирована. Бреду домой, придерживая её: любое шевеление болезненно. Говорю родителям, что сломал руку.

Приехала «скорая» и забрала меня. Меня положили в коридоре и выдали великоватую одежду, из-за чего при подъёме на «эшафот» (операционный стол) с меня свалились кальсоны. Кто-то из медиков позубоскалил: «Ну, ты, жених...». Потом – вата и запах хлороформа, и приказ: «Считай!». Я каким-то уже далёким голосом сказал «раз, два, три...» и вырубился. Когда очнулся, рядом сидела медсестра. Меня вырвало, она продолжала сидеть, ожидая повторного извержения. Я сказал ей, что его не будет. «Откуда ты знаешь?». Я сказал, что мы неоднократно угорали, и потому я знаю...

Ох, эти угары! Папа, протопив печь, ради экономии дров стремился закрыть заслонку пораньше, и вот головная боль начинала ухать в ритме пульса, и голова словно бы раскалывалась от этих толчков. Таков был настоящий угар. Мы выбирались на морозную, без стёкол, общую веранду и сидели, как пингвины, не шевелясь, ибо малейшее движение усиливало нестерпимую головную боль.

Сразу за нашим дровяником налево была вышеупомянутая кузница, а напротив, на правой стороне двора, был спуск (ступеньки) к воротам продуктового склада. Эти полуподвальные двери открывались с появлением грузовика, нагруженного либо мешками с сахарным песком, либо ящиками карамели. Тут уж мы были начеку! Под видом помощи забирались в кузов и начинали разгрузку, норовя уронить ящик с конфетами на угол, дабы он треснул, и можно было пригоршню конфет сунуть в карман. Завскладом белёсый дядя Ваня вовсе не гневался на нашу «неловкость», а только говорил: «Взвесим...».

С сахаром было ещё проще: заточенный карандаш вонзался в мешок, рот приникал к этой крошечной дырке – и сахарный песок засасывался внутрь, забывая дыхание. Так что время от времени нам перепадали даровые углеводы. Где ещё можно было найти двор, равноценный нашему?

Выше упоминалось соседство нашего двора с пекарней. Пекари, которых, видимо, обыскивали в проходной, иногда перед выходом перебрасывали в тупичок между сараями пару горячих булочек. Поэтому мы регулярно проверяли этот закуток и порой бывали вознаграждены – за счёт, разумеется, раздосадованного пекаря, предполагавшего порадовать домашних. Но мы тогда не осознавали оборотной стороны своей удачи.